

О.В. Серов

Революционные события 1917 года в воспоминаниях кадета Милюкова и эсдека Суханова

Статья посвящена сравнению мемуаров непосредственных участников революционных событий 1917 года — «Воспоминания» П.Н. Милюкова и «Записки о революции» Н.Н. Суханова (Гиммера). Сравнительный анализ такого рода источников личного происхождения позволяет по-новому взглянуть на причины революции в России, образование Временного правительства и Петросовета. История Русской революции нуждается в дальнейшем изучении, в изменении устоявшихся стереотипов.

Ключевые слова: революция; воспоминания; сравнительный анализ.

Прошло сто лет с тех пор, как монархия в России была свергнута и установлена республика. Накал дискуссий о том, как свершилась революция в России, только усиливается. В советской историографии господствовал детерминистский подход в освещении русской революции. Россия представлялась слабым звеном в цепи империалистических держав, с устарелой политической системой, и I Мировая война, обострив все возможные противоречия, привела к системному кризису, который закончился свержением самодержавия и в конечном счете захватом власти большевиками. Победа большевиков представлялась неизбежной и прогрессивной. Другие политические силы и партии, участвовавшие в революции, объявлялись «непролетарскими», что подразумевало их обреченность на поражение, так как пролетариат, в марксистском учении, объявлялся «гегемом», единственно способным достичь коммунистического переустройства всего общества.

Однако даже советские историки признавали «буржуазные заговоры» против монархии. Как пример, можно привести монографию В.Я. Лаврычева «По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии с революцией» (1967). Конечно, концепцию того, что революция в России была осуществлена на немецкие деньги или «Ленин — агент Германии», советская историография рассматривала как «буржуазную пропаганду». Различные конспирологические теории типа «жидо-масонского» заговора даже не рассматривались советской исторической наукой.

Зарубежная историография, прежде всего англо-саксонская, например работа Ричарда Пайпса «Русская революция» (2005), в основном подтверждала

тезис об объективном характере российской революции, не соглашаясь с советской концепцией по отдельным вопросам. Так, движущей силой революции Ричард Пайпс признавал не пролетариат, а интеллигенцию. Кроме того, степень участия стран Антанты в февральских событиях трактовалась по-другому, нежели в советской историографии. Конечно, общая оценка революционных событий была координально отличной.

В постсоветский период появились всевозможные теории, концепции, интерпретации, связанные с революцией в России. Появилась даже психосоциальная интерпретация революции 1917 года — монография В.П. Булдакова «Красная смута: Природа и последствия революционного насилия» (2010). Наличие взаимоисключающих точек зрения стало нормой в исторической литературе. От отрицания неизбежности революции до апологетики роли Ленина и Сталина. В бесконечном разнообразии подходов и оценок все же можно отыскать наиболее взвешенные и доказательные подходы и положительные тенденции. В частности, это широкая публикация источников, привлечение ранее не введенного в научный оборот исторического материала. В период перестройки в Советском Союзе было издано много разных документальных свидетельств, воспоминаний очевидцев и непосредственных участников событий, и среди этих изданий — «Воспоминания» П.Н. Милюкова [3], и «Записки о революции» Н.Н. Суханова [6].

Именно февральские события свели вместе Милюкова и Суханова политических деятелей, занимавших разные политические позиции, которые вращались в разных политических сферах. Павел Милюков — политик все-российского масштаба. На момент начала революции 1917 года являлся депутатом Государственной думы IV созыва, лидером партии кадетов и межфракционного объединения «Прогрессивный блок». В блок входили практически все фракции Государственной думы, за исключением только крайне левых — социал-демократов — и крайне правых — монархистов. Необходимо отметить, что националисты-монархисты в лице Василия Шульгина входили в «Прогрессивный блок». Кроме того, существовали тайные организации, в рамках которых участники «Прогрессивного блока» координировали свои действия с левыми социалистическими деятелями. В масонской ложе «Великий Восток Народов России»¹ состояли депутаты социал-демократы Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев (после революции вступит в РКП (б)), большевик И.И. Скворцов-Степанов [4: с. 58] и другие.

Главной целью «Прогрессивного блока» было добиться от самодержавия так называемого «ответственного министерства», министры которого были бы ответственны не перед царем, а перед Думой. По замыслу Милюкова, это стало бы следующим шагом по трансформации абсолютной монархии в России в конституционную. Однако в литературе высказывается предположение, что «Прогрессивный блок» изначально создавался для того, чтобы отстранить

¹ В литературе встречается название «Верховный совет народов России».

царя от власти (И.В. Алексеева и другие). В самом деле, если рассмотреть партийную принадлежность министров Временного правительства первого состава, то это представители «Прогрессивного блока». И в своих воспоминаниях Павел Милюков приводит различные варианты состава «ответственного министерства», где, конечно, фигурируют представители «Прогрессивного блока». Вместе с тем проблема царя и проблема войны были для Милюкова своеобразными камнями преткновения. Николая II оставлять царствовать думские либералы не хотели, но многие, и Милюков в том числе, предполагали конституционную монархию, а значит, вариант регентства в том или ином виде. Военная победа над Германией была очень желательна для Милюкова, однако он не раз высказывал опасения, что война может закончиться крахом для Российской империи. У Милюкова была личная трагедия, связанная с войной: погиб его сын. Как бы то ни было, штурмовым сигналом к революции многие историки считают знаменитую речь П.Н. Милюкова в Думе, которую иногда называют «Глупость или измена!». Эти слова Милюков рефреном обращал к царскому правительству, имея в виду слухи о сепаратном мире с Германией.

Интересно, что в своих воспоминаниях Павел Милюков отмечает, что сам не помнит, но ему указывали на его слова «о двух полках для захвата Думой власти» [3: с. 448]. Проблема существования заговора с целью устранения царя от власти в последнее время начинает привлекать все большее внимание в исторической литературе. Правда, решение этой проблемы далеко не продвинулось еще со времен публикации исследования С.П. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту» (2007). Милюков представляется одной из центральных фигур зреющего заговора или заговоров, наряду с Гучковым, Керенским и другими. Судя по всему, Милюкову отводилась роль некоего руководителя будущего правительства после отстранения царя от власти. Таким образом, сам Милюков не раздает указания заговорщикам, а выступает в роли общественного обвинителя «царской камарильи» или «темных сил», как писала тогда пресса. И в своих мемуарах Милюков высказывался в таком духе, что февральские события для него стали неожиданностью. Хотя о том, что готовится заговор, он знал и не отрицал этого.

Фактически депутатами Государственной думы велась грандиозная кампания по дискредитации царской семьи. И главным инструментом для этой политической кампании был феномен Гришки Распутина. Пресса живописала похождения «святого чёрта». Общественное мнение возмущалось назначением министров по протекции Распутина. Известен скандал Хвостова — Белецкого [5: с. 276], когда с помощью Распутина А.Н. Хвостов был назначен министром внутренних дел, т. е. главой правительства, а затем Хвостов решил избавиться от Распутина, однако сам был отправлен в отставку. Произошло вынужденное разделение правительственных сфер на сторонников Распутина и его противников. Великие князья, ближайшие родственники Николая II,

требовали удаления Распутина. Царская семья становилась заложницей этой политической кампании, когда преданность престолу оценивалась отношением к Распутину. Депутат Милюков сам не убивал Распутина. В убийстве Распутина принимал участие депутат Государственной думы, монархист В.М. Пуришкевич. Милюкова не было и среди тех, кто предлагал престол великому князю Николаю Николаевичу. А.И. Гучков с генералами намеревался арестовать то царицу, то царя. Милюков опять был ни при чем. Или при чем? Тактика политической борьбы, выбранная Милюковым, в конечном счете обернулась против него самого. Милюков не смог переиграть своих политических конкурентов, Керенского, Чхеидзе и других, и вынужден был покинуть Временное правительство. Даже созданная им кадетская партия могла исключить его из своих рядов. После революции Милюков оказался в эмиграции, в рядах проигравших.

Почему же Милюков не ставит себе в заслугу свержение самодержавия, организацию революции? Конечно же после революции он оказался проигравшим, а большевики — в стане победителей. На Милюкова было совершено покушение в эмиграции, многие в Белом движении проклинали его. Став министром иностранных дел во Временном правительстве и провозгласив лозунг «Война до победного конца!», Милюков понимал, что та солдатская, народная стихия, ненавидевшая войну, сметет его и его сторонников. Франция предотвратила мятеж фронтовых войск только жесточайшими мерами и титаническими усилиями, а Временное правительство объявило во время войны отмену воинской дисциплины и смертной казни. В Петрограде не хватало хлеба, но это почему-то никого не волновало после свержения самодержавия. Думцы не смогли решить продовольственную проблему, ее не смогла решить и Германия: изголодавшаяся и обессиленная, она была вынуждена признать поражение в войне. Разве этого не понимали кадеты, октябристы и прочие прогрессисты вкупе с Милюковым? Конечно, понимали, но надеялись на тихий государственный переворот, без последствий.

Цензовая буржуазия не смогла в 1917 году удержать власть, и помешали им это сделать те, кто был левее октябристов и кадетов в политическом спектре уже революционной России. Николай Суханов, по определению Милюкова, был «циммервальдцем», хотя сам он считал себя «диким», т. е. неким межпартийным деятелем, не желающим принимать партийные ограничения и установки. С Милюковым Суханова свела революция. Они оба были в Таврическом дворце в тревожные дни свержения монархии. Милюков стал членом Временного правительства, Суханов — членом Исполкома Петроградского совета. Суханов, как и Милюков, был не из тех, кто выходил на демонстрации, попадал под пули, а из тех, кто направлял революционный поток, выдвигал идеи, принимал решения. Биография его заслуживает отдельного литературного повествования, и главный герой

романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» во многом напоминает Николая Суханова. В реальной жизни Суханов был известен еще с юности, когда члены его семьи стали прототипами героев пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп». Юный Николай Гиммер (такова его настоящая фамилия, Суханов — псевдоним) ездил к великому писателю и стал толстовцем. Затем, уже будучи студентом, становится революционером, сочувствующим эсерам. Принимал участие в Декабрьском вооруженном восстании в Москве в 1905 году. Но и эсеры не удовлетворяли жизненные устремления Н. Суханова, и он объявляет себя марксистом, впрочем, не присоединяясь организационно к социал-демократической партии. В литературе высказывается мнение, что Суханов вступил в масонское братство, когда он обучался в Париже в Русской высшей школе общественных наук, которой руководил известный масон Максим Ковалевский. В работе этой школы принимали участие будущие вожди революции — Павел Милюков, Владимир Ленин, Виктор Чернов и другие [2: с. 51]. Как бы то ни было, Суханов оказывается в Петербурге в роли литератора, пишущего на социально-экономические темы. Он сотрудничает с известнейшими журналами — «Русское богатство», «Современник» и другими. Несмотря на то, что его не раз высыпают из столицы как политически неблагонадежного, он получает должность чиновника в Министерстве земледелия. Остается отдать должное его обширным связям.

Находясь на нелегальном положении, Суханов попадает в гущу событий Февральской революции. Он участвует в так называемых «заседаниях» на частных квартирах, почти дежурит на квартире у Горького. На квартире у Н.Д. Соколова совещается с А.Ф. Керенским. Совершает разведывательные вояжи по Петрограду. Наконец, оказывается в Таврическом дворце, где принимает участие в формировании Петросовета. Удивительно, не представляя никакой политической организацию, Суханов стал членом Исполнительного комитета Совета, т. е. являлся одним из руководителей новой революционной власти. Впрочем, это не удивляло таких информированных людей, как Милюков или Керенский. После победы Февраля Суханов начинает оформлять свой официальный статус как политический деятель и вступает в социал-демократическую партию. Тогда как такие социал-демократы, как Луначарский, Троцкий, так называемая «межрайонка», становятся сторонниками Ленина и присоединяются к большевикам. В дальнейшем Суханову придется не раз пожалеть о том, что он сделал неправильный выбор, и в РКП (б) его так и не примут. Притом что его жена была большевичкой. На квартире у Суханова состоялся VI съезд РСДРП (б), на котором был взят курс на вооруженное восстание. Официально большевики были под запретом, Ленин был объявлен немецким шпионом и скрывался в Разливе под Петроградом, Троцкий сидел в тюрьме. Генерал Корнилов намеревался устроить военную диктатуру, чего очень не хотели Петроградский совет и, конечно, Суханов. И опять, как

в февральские дни, происходят странные вещи, понятные только посвященным. Грозный генерал Крымов, активный участник Корниловского мятежа, после разговора с Керенским, как взвинченный гимназист, стреляется. Руководители Петросвета — Чхеидзе и Церетели — отдают руководство выпущенному из тюрьмы Троцкому. В советской историографии было универсальное объяснение для всех загадок революции — «воля революционных масс». Так же говорил и Суханов, но при этом старался уже держаться поближе к большевистским вождям.

Со II съезда советов Суханов ушел в знак протеста против захвата большевиками власти, и это было еще одной его ошибкой. Он оставил свои пацифистские убеждения и был за революционную войну против Германии во время заключения Брестского мира. Но, несмотря на политическое лавирование, Суханову не удалось повторить путь Троцкого и стать «лучшим большевиком». Николай Суханов не пошел и по пути Мартова и остался в Советской России. Всячески демонстрировал лояльность правящему режиму, но был все-таки арестован, сослан, а затем расстрелян. Его друзья, Горький, Луначарский, не могли помочь, так как сами уже «безвременно почили», а для Сталина он был ненужным свидетелем. Показательна судьба коллег Суханова по Петросвету, Федора Дана и Матвея Скобелева. Они предпочли эмиграцию, при этом также склонялись к большевизму. Скобелев вернулся в Советскую Россию и был расстрелян. Дан благодушно остался в Америке.

Многие свидетели и участники Великой русской революции написали воспоминания. Однако мемуары П.Н. Милюкова и Н.Н. Суханова особенно интересны при изучении начала революции, ее как бы внезапного возникновения. В историческом дискурсе широко известны такие выражения, как «российская монархия слиняла в три дня», «никто не ожидал, что революция произойдет», «революция была организована на немецкие, английские, американские деньги». Еще один очень важный вопрос в мемуарах Милюкова и Суханова: как февраль породил октябрь и почему победили большевики?

Суханов писал свои записки «по горячим следам». Стиль повествования похож на дневниковые записи — день за днем, создается впечатление стенографического отчета о революции. Милюков писал свои мемуары на склоне лет, используя воспоминания других авторов, в том числе и Суханова. С одной стороны, они принадлежали к разным политическим партиям, в то же время они были, так сказать, по одну сторону баррикад в начальной стадии революции. Разность взглядов на революцию определяется разностью их политических убеждений. Хотя, когда они упоминают один другого на страницах своих мемуаров, никакой враждебности не чувствуется. Чувствуется объективная оценка своего политического оппонента.

Милюков доводит свои воспоминания до лета 1917 года, дальше продолжить не позволила его кончина. Если в книге «История второй русской

революции» Милюков оценивает события как политик, то в своих «Воспоминаниях» он признается в сугубой субъективности, привнося в оценку событий личностные моменты. В то же время «Воспоминания» содержат много философских раздумий, «размышлений постфактум». Советский историк Н.Г. Думова в предисловии к изданию воспоминаний Милюкова отмечает не просто признание Милюковым исторической победы большевизма, а даже симпатию к советскому режиму. Она пишет, что во время Гражданской войны Милюков призывал ненавистную ему Германию к уничтожению советской власти. Но уже во II Мировую войну, когда немцы оккупировали Францию, где он жил в эмиграции, Милюков не пошел на сотрудничество с нацистами [1].

Записки Суханова получили, пожалуй, наибольшее отражение в исторической литературе. Как уже отмечалось выше, записки стали фактически первым освещением революции от лица ее участника. Как источник этот труд использовали почти все последующие мемуаристы, от белых до красных. Чрезвычайно интересны оценки героев этих записок, особенно тех, кого Суханов знал лично. Милюков, ознакомившись с записками, отозвался о нем как о талантливом писателе. Ленина Суханов характеризует как гения революции, которого он сначала не понимал, но с победами большевиков постепенно перешел к апологетике вождя большевизма. Ленин читал Суханова, «Записки о революции» были у него в Горках, где и умер вождь пролетариата. Высказывался о Суханове Ленин скорее положительно, называя лучшим из мелкобуржуазных литераторов. Личные, дружеские отношения связывали Суханова с А.Ф. Керенским. Правда, по мере того как Керенский терпел неудачи на политической арене, его характеристики становились все более ядовитыми. Троцкому Суханов слагает панегирики. Он прямо-таки уморительно описывает эпизод, когда Троцкий спасает вождя эсеров Чернова от разгневанных матросов. Этот эпизод получил широкое распространение в литературе. А вот о Сталине Суханов пишет редко и сдержанно. Оценка Сухановым роли Сталина в революции не вязалась с гимном отцу всех народов в «Кратком курсе истории ВКП (б)», и поэтому в советской историографии сталинского времени ссылаться на Суханова, на Троцкого и других врагов народа было небезопасно. Только если с позиции развенчания и высмеивания.

По мере изменения политики коммунистической партии литературное наследие Николая Суханова снова становится востребованным у советских историков. Необходимо отметить, что воспоминания Суханова практически сразу после написания были опубликованы за границей. Практически все иностранные историки, занимавшиеся исследованием русской революции, используют их. Конечно, профессиональные историки довольно критично оценивают информацию, изложенную автором «Записок». Эмигрантские историки из России (С.П. Мельгунов и другие) характеризуют Суханова «как

большевика второго сорта». Да, и нельзя полагаться на него как на свидетеля, «который всё знал и всё видел». Суханов не мог знать, что происходит в Ставке главнокомандования русской армии, крайне расплывчаты его представления о том, что происходило в министерских кругах, среди офицерства. Революционные события в среде рабочих и солдат описываются автором схематично, видно, что он не представляет всей полноты картины и не уделяет этому особого внимания. За это он подвергался критике советских историков. Ценят мемуары Суханова за подробное описание деятельности Петроградского совета.

То, как был создан Петроградский совет, остается неясным. Милюков, естественно, не пишет о конкретных планах свершения революции. Наоборот, все эти демонстрации, восстание гарнизона, образование Петросовета для него были неожиданностью. Суханов также представляет события революции как спонтанные. Получается так, что Суханов просто пришел в Таврический дворец и его там выбрали в Исполком, который был образован из так называемой «гвоздевской группы» и депутатов Государственной думы — Керенского и Чхеидзе. До описываемых событий К.А. Гвоздев был председателем рабочей группы Военно-промышленного комитета, где всем заправлял лидер октябристов А.И. Гучков. В январе 1917 года Гвоздева и его рабочую группу арестовывают. В феврале восставшие солдаты и демонстранты их освобождают, и они направляются в центр революции, т. е. в Государственную думу, и образуют сначала временный Исполком, а в конечном счете — Петроградский совет.

Н.Н. Суханов принимал участие в создании первого номера «Известий», печатного органа Петроградского совета. Наряду с другими материалами в первом номере были опубликованы объявление об отречении Николая II и список Временного правительства. В этом списке не было Родзянко, председателя IV Государственной думы, а был Керенский — министр юстиции. Милюков приложил много усилий, чтобы Родзянко не было во Временном правительстве. Он считал его неспособным возглавить революционное правительство. В воспоминаниях Милюкова есть намеки на воспоминания Родзянко, в которых главной причиной крушения Российской империи тот считает Распутин. Соответственно Милюков считает Родзянко неспособным разбираться в политике. Милюков даже согласен на «проходную» фигуру князя Г.Е. Львова в качестве главы кабинета, только не Родзянко. Вероятно, будущим главой кабинета Милюков видел себя. Однако Керенский его переиграл. Милюков действительно не мог понять, в чем сила Керенского. Когда его соратник по кадетской партии Н.В. Некрасов стал министром, это вызвало удивление Милюкова.

Но, пожалуй, самый главный вопрос, из-за которого Милюкову пришлось уйти из Временного правительства, — это вопрос о войне. У Милюкова была репутация «ястреба», он хотел войны до победного конца. Его называли

«Милюков Дарданельский», так как он хотел отобрать проливы у Турции. В своих мемуарах он объясняет свою политическую платформу простым чувством патриотизма. Он не понимал «этих циммервальдцев», таких как Суханов, которые желали поражения России. Соответственно Суханов видел в Милюкове своего классового врага. «Заявления Милюкова втапывали в грязь революцию. Объявленная и вновь подтвержденная им старая царская программа войны, программа отвратительного убийства ради насилия и грабежа не только оскверняла новый строй: она создавала ему самую опасную угрозу, какая была мыслима» [б: с. 296].

Дороги Николая Суханова и Павла Милюкова разошлись после 1917 года. Милюков вынужден был эмигрировать, Суханов остался в Советской России. Книги, которые написали эти политические деятели, стали важнейшими источниками для изучения событий революции 1917 года. Важнейшие вопросы: почему победили большевики, почему рухнуло самодержавие, какова альтернатива развития революции и другие — не могут быть разрешены без привлечения свидетельств этих участников событий.

Литература

1. *Думова Н.Г.* Предисловие к настоящему изданию // Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 3–20.
2. *Карпачёв С.П.* Путеводитель по масонским тайнам. М.: Центр гуманитарного образования, 2003. 381 с.
3. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
4. *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М.: Terra, 1990. 2013 с.
5. *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск: Харвест, 2004. 720 с.
6. *Суханов Н.Н.* Записки о революции: в 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. М.: Политиздат, 1991. 383 с.

Literatura

1. *Dumova N.G.* Predislovie k nastoyashhemu izdaniyu // Milyukov P.N. Vospominaniya. M.: Politizdat. 1991. S. 3–20.
2. *Karpachyov S.P.* Putevoditel' po masonskim tajnam. M.: Centr gumanitarnogo obrazovaniya, 2003. 381 s.
3. *Milyukov P.N.* Vospominaniya. M.: Politizdat, 1991. 528 s.
4. *Nikolaevskij B.I.* Russkie masony' i revolyuciya. M.: Terra, 1990. 2013 s.
5. *Spiridovich A.I.* Velikaya vojna i fevral'skaya revolyuciya (1914–1917). Minsk: Harvest, 2004. 720 s.
6. *Suxanov N.N.* Zapiski o revolyucii: v 3-x t. T. 1. Kn. 1–2. M.: Politizdat, 1991. 383 s.

O.V. Serov

**The Revolutionary Events of 1917 in the Memoirs of the Cadet Milyukov
and the Social Democrat Sukhanov**

The article is devoted to comparison of memoirs of direct participants of the revolutionary events of 1917 — P. N. Milyukov's «Memoirs» and N.N. Sukhanov (Himmer)'s «Notes on the revolution». A comparative analysis of such sources of personal origin allows us to take a fresh look at the causes of the revolution in Russia, the formation of the Provisional Government and the Petrograd Soviet. The history of the Russian revolution needs further study and changing of established stereotypes.

Keywords: revolution; memoirs; comparative analysis.